Бедрикова Майя Леонидовна¹
*Магнитогорский государственный
технический университет им. Г.И. Носова
Институт гуманитарного образования
Кафедра языкознания и литературоведения*

О ПЕРСПЕКТИВАХ ПРЕПОДАВАНИЯ СРАВНИТЕЛЬНОГО ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ (РУССКО – СЕРБСКИЕ КУЛЬТУРНЫЕ ПАРАЛЛЕЛИ)

Статья посвящена проблемам изучения дисциплины „Сравнительное литературоведение” (часть „XX век”). Курс позволяет сформировать представления об истории русской литературы от рубежа XIX–XX вв. до рубежа XX–XXI вв. как части мировой литературы, изучить методологию сравнительного литературоведения, специфику западноевропейских национальных литератур, выявить типологические сходжения в текстах различных авторов, охарактеризовать стилевые манеры. Основным методом исследования является сравнительный анализ, применяемый для изучения проблем дисциплины: перевод поэтического произведения, сравнительный анализ прозаических произведений (периода „Русская литература после 1917 г.”). От обзорных тем необходимо перейти к рассмотрению произведений русских и сербских писателей, чтобы выявить и подчеркнуть общность взглядов на исторические события данного периода. В основе отбора текстов лежит не только тематический принцип (произведения о Первой мировой войне), но и жанровый. Особый интерес для изучения представляет жанр дневника, позволяющий запечатлеть внутренний мир героя, отражающий особенности национального менталитета. Это – документ становится свидетельством частной жизни, а включённый в художественное повествование – документом определённой эпохи. К теме мировой войны обращаются авторы художественных и документально – художественных произведений: К. Федин „Города и годы”, Л. Ф. Керцелли „Военный дневник”, М. Црнянский „Дневник о Чарноевиче”. Автором были выявлены „точки контактов” текстов, углублены представления о связях отечественной литературы с сербской литературой.

Ключевые слова: сравнительное литературоведение, это – документ, „Военный дневник” Л. Ф. Керцелли, „Дневник о Чарноевиче” М. Црнянского

„Сравнительное литературоведение” (Часть „XX век”) является важнейшим курсом в системе филологического образования. Накоплен значительный опыт в преподавании дисциплины (с 2009 г.) на кафедре языкознания и литературоведения Магнитогорского государственно-

¹ mlbedrikova@gmail.com

го технического университета им. Г. И. Носова. Студенты знакомятся с методологией исследований в сравнительном литературоведении, спецификой западноевропейских национальных литератур, в сравнении с русской, в соответствующих разделах курса:

1. Компаративистика как особый раздел литературоведения и как метод анализа художественного текста. 2. Русская литература конца XIX – начала XX-го вв. и французская литература последней трети XIX в.: взаимовлияния. 3. Русская литература после 1917 г. Становление антиутопического жанра в русской литературе 1920-х гг. 4. Русская литература 1920–1930-х гг. Диалог с классикой 19 – го в. Диалог русских писателей с зарубежными художниками слова: вечные темы, природа и цивилизация. 5. Русская литература 1940–1950-х гг. Жанр философского романа в русской и зарубежных литературах. 6. Русская литература 1960 – начала 1980-х гг. „Деревенская проза”. Восприятие опыта Л. Леонова в постижении национального характера, изображении национальной жизни. Концепция человека – „производного всей жизни планеты”. 7. Русская литература второй половины 1980-х – 2000 гг. Русский постмодернизм в его связях с западноевропейским.

Овладение методиками сравнительного анализа, углубление знаний о мировом литературном процессе, о связях русской литературы XX века с европейскими литературами происходит не только на лекциях, но и на практических занятиях. Целью занятий является определение основных направлений взаимодействия русской литературы и западноевропейской, выявление „точек контактов” текстов (главный предмет исследования в сравнительном литературоведении); конкретизация представлений обучающихся о литературных влияниях, „воздействиях” и „восприятии” как примерах действия прямых и обратных связей в искусстве. Анализ генетических, типологических связей произведений, созданных разными авторами в разные эпохи (линии взаимодействия русской литературы XX в. с классикой XIX в.), позволяет выявить сходство и различие в развитии национальных литератур в XX в.

Мы проанализировали опыт преподавания „Сравнительного литературоведения” (XX в.) и выявили наиболее продуктивные направления деятельности студентов. Так, задания, в которых приводятся примеры творческих контактов русских писателей с зарубежными авторами, – это обязательный компонент, от которого зависит уровень освоения данной дисциплины. Например: *Проведите сравнительный анализ произведений Э. Верхарна „Города – сироты” и В. Брюсова „Urbi et Orbi”; в чем проявилось влияние на В. Брюсова идей французского поэта, ученика Малларме, Рене Гиля („Научная поэзия”, 1909 г.).* В процессе анализа сходных явлений осваиваются теоретические понятия: *компаративистика, диалог, „чужое” и „оригинальное”, генезис, типология, интертекстуальность.*

Самостоятельная работа студентов предусматривает глубокий анализ теории (труды А. Н. Веселовского, В. М. Жирмунского); обзор подходов, школ сравнительного литературоведения (Д. С. Лихачев,

М. П. Алексеев, Ю. М. Лотман) и др. Обязателен анализ художественных произведений, например: *Познакомьтесь с переводом Верлена „Романсы без слов“, выполненным В. Я. Брюсовым. Сравните с переводами Верлена других авторов. Для анализа возьмите 2 стихотворения.*

По нашим наблюдениям, для студентов наиболее сложным является приведение примеров исследования генетических и типологических связей в произведениях разных национальных литератур, а также вопросы: почему диалог, сравнение, сопоставление принадлежат к основополагающим принципам культуры? Какими факторами можно объяснить типологические сходжения в произведениях разных национальных литератур? Этапы и приемы компаративистского анализа литературных произведений. Сравнение стилевых манер разных авторов одного из течений в поэзии Серебряного века.

Эффективным способом постижения особенностей национального мироощущения является сравнительный анализ текстов различных переводов одного произведения. Проблему перевода лучше всего рассматривать на примере одного стихотворения. Например, предлагается тема практического занятия: „Н. Гумилёв о мастерстве перевода. Переводы произведений французских поэтов. Опыты перевода поэзии Серебряного века (А. Гелескул, М. Яснов и др.)“.

Выбор произведений для сравнительного изучения в разделе „2. Русская литература конца XIX – начала XX вв. и французская литература последней трети XIX века: взаимовлияния“ обусловлен фактором влияния французской поэзии на творчество русских поэтов рубежа XIX – XX вв. Изучение других периодов истории русской литературы не зависит от подобного влияния, поэтому выбор произведений свободный, например, в разделе „3. Русская литература после 1917 г.“.

Изучение русской литературы XX века в данной дисциплине требует существенного дополнения: исследования связей отечественной литературы также и со славянскими европейскими литературами. Возможно включение произведений сербской литературы XX века в курс „Сравнительное литературоведение“ в широком контексте: *русско-сербские культурные параллели*. Огромный опыт изучения сербской литературы накоплен в МГУ на кафедре славянских литератур (Славянский вестник 2003).

В разделе третьем „Русская литература после 1917 г.“ от обзорного принципа изучения материала необходимо перейти к анализу произведений русских и сербских писателей, чтобы выявить и подчеркнуть общность их взглядов на исторические события периода. Важен не только тематический принцип отбора текстов, но и жанровый. Интересен для сравнительного анализа жанр дневника. Это – документ – свидетельство частной жизни, а в художественном повествовании – это документ эпохи. В современном литературоведении огромное внимание уделяется проблеме „это – документ и литература“. Так, дневники русских писателей рассматривались на международных конференциях

в Институте русистики Варшавского университета (2005–2007) (Ego – document i literature 2005).

В дневнике как эго – документе внутренний мир человека раскрывается максимально исчерпывающе и психологически объёмно. Автор не упускает ни одной детали в повествовании, он предельно откровенен, честен перед собой и перед воображаемым читателем. Подробности, выстроенные в хронологической последовательности, могут пролить свет на скрытый смысл происходящего. Включённые в художественное повествование, дневники героев наполнены размышлениями о личном опыте, о жизненных уроках. Особенно ценны дневники свидетелей исторических событий. Особенности ментальности авторов отражаются в том, какой смысл они извлекают из события. Читателей интересует не только фактология, но и обобщения, ценен взгляд современника, переживание эпохи, национальное мироощущение.

Дневник в XIX в. являлся „периферийным” жанром как в русской, так и в сербской литературе, по свидетельству П. Петровича (Петровић 2008: 161). Настоящим художественным открытием для европейцев стал Дневник русской художницы Марии Башкирцевой (1860–1884), написанный по-французски, он был издан посмертно, переведен на европейские языки. М. Башкирцевой удалось воплотить литературный замысел в дневниковой форме, которая ассоциировалась у читателей с частным пространством человеческого бытия. Авторским кредо для писательницы было утверждение:

„К чему лгáть и рисовáться! Да, несомненно, чтó моё желание, хóтя и надежда, оштáнься на земле во чтó бы шó ни сшáло <...>. Этó очень интерес- ный человеческий докумен́т. С́проси́те у Зо́ля, или Гонку́ра, или Мойсáсса- на” (Башкирцева 2014: 5).

Для М. Башкирцевой Дневник был „литературным и человеческим памятником” (Башкирцева 2014: 5). Именно как „человеческий памятник” жанр дневника утверждается в художественной литературе XX в., став, наряду с другими эго – документами, важным свидетельством трагических катаклизмов столетия.

Переживание психологической атмосферы времени происходит в процессе изучения социокультурной ситуации 1920–1930-х гг. Русская и европейские литературы осмысливают итоги глобальных потрясений, с которыми человечество столкнулось впервые в начавшемся веке – с мировой войной.

О Первой мировой войне в начале века написаны, например, такие произведения, как „Сад Пречистой Девы” Куприна (1916), „Безумный художник” (1921) Бунина. В отличие от Брюсова, который воспринял войну как судьбоносное событие для всего славянства (с надеждой на культурное возрождение), Бунин, Куприн и другие современники увидели в мировой войне глубочайшую трагедию.

Ю. Ольховская считает: в жанре дневника „главный предмет <...> внимания (автора – М. Б.) – изменяющееся собственное „я” в постоян-

ном мире” (Olkhovskaya 2006: 15). В эпохи войн, социальных потрясений возрастает значимость живых свидетельств очевидцев, поэтому так важны рефлексия, сентенции мыслящего субъекта, носящие итоговый характер. По мнению исследователя дневников М. Пришвина, «в контексте пришвинского творчества дневник расширил свои функции, выполняя роли собственно дневника, черновика, записной книжки, философского трактата» (Ольховская 2006: 14). В творчестве этого писателя Ю. Ольховская констатирует интересную особенность: в период с 1917 по 1919 гг. в дневниках «отсутствует какая – либо мораль или итог, являющиеся постоянными сюжетно – композиционными элементами пришвинских произведений. Вместо этого присутствует „умолчание“, „минус – мораль“, раскрывающая абсурдность сложившейся ситуации» (Olkhovskaya 2006: 17–18). В ходе сравнительного анализа дневников XX в. можно исследовать особенность авторского мироощущения. Так, интересно выявить наличие / отсутствие подобной особенности (умолчание, „минус – мораль“) в „Дневнике о Чарноевиче“ Милоша Црњанско-го при описании переживаний героя: „Vojnik sam, o, niko ne zna, šta to znači” (Crnjanski).

В XX в. многие русские и европейские писатели, современники М. Црњанского, вели собственные дневники и создавали романы в форме дневника героя. П. Петрович приводит в качестве примера – романы Андре Жида 1920-х гг. (Петровић 2008: 163). Эти примеры могут быть дополнены другими исследованиями эго – документов (Studia Rossica 2006–2007), данными архивов (Петрова 2014).

Представить зримо реальность войны в восприятии молодого поколения 1910 – х гг. позволяет дошедший до нас „Военный дневник” Л. Ф. Керцелли, опубликованный Ларисой Керцелли (Carcelli 1990). Автор – Леонид Керцелли в 1915 г. восемнадцатилетним юношей попал на фронт. Лариса Керцелли пишет: „И уже через три месяца за мужество, проявленное в боях, награждён тремя Георгиевскими крестами” (Carcelli 1990: 117). „Военный дневник” представляет интерес для литературоведческого анализа, ибо, кроме строго документального повествования о событиях на фронте в период с августа по сентябрь 1915 г., содержит подлинно художественные фрагменты. Л. Ф. Керцелли датировал записи (периодичность – два – три дня). Есть среди них краткие дневниковые и развернутые, многостраничные, напоминающие художественные очерки. Авторские пометки рассчитаны на читателя, привлекают внимание к подробностям, деталям, персонажам, например, с помощью выражения: „Помню такую картину”. „Картины” – это сцены: батальное описание, пейзаж, интерьер, раздумье, диалог, монолог.

Л. Ф. Керцелли делится впечатлением от полученного письма матери:

„25 августа. Сыну герою...Милая мама! Она мной гордится! Да, если я хоть и буду убит – потомству останется память – был, жил Леонид Федорович Керцелли, поехал добровольно на войну, заработал в три месяца три Георгия...Война, война, будь она проклята; злой был человек, что выдумал такую скверную штуку” (Carcelli 1990: 117).

Автор владеет различными жанрами: описания перемежаются рассказами, анекдотами. Разумеется, рассказ, включенный в дневник, – это только миниатюра. Художественный вымысел сознательно ограничивается автором установкой на подлинность, поэтому чаще жанр миниатюры у Л. Ф. Керцелли – рассказ – быть. Автор Дневника выбирает характерный зачин:

„26 августа. Есть у нас офицер, некто Игнатъев. В бою у деревни Дурланце он не пошел с ротой, послал ее одну вперед, а сам остался позади, в окопах. Утром позиции объезжал полковник и вытащил его из его убежища. Рота едва не пропала” (Carcelli 1990: 117).

Взгляд Л. Ф. Керцелли на окружающий мир обнаруживает творческое начало, особого свойства наблюдательность, точность в сравнениях, сопоставлениях, присущих писателю–реалисту. Таковы зарисовки о случаях на войне:

„Был у нас один солдат, по имени Малука. Я его еще как-то рисовал – мне нравилась его фигура – фигура младшего из трех богатырей Васнецова – здоровая русская красота, олицетворение здоровья. Во время наступления, последнего, числа 1-го августа, его ранило, и рана его ужасна” (Carcelli 1990: 117).

В батальных картинах Л. Ф. Керцелли достигает подлинного мастерства, замечая подробности военных действий враждующих сторон. В этой части записей возникает напряженный ритм, поддерживаемый на уровне морфологическом (глаголы и глагольные формы), синтаксическом (бессоюзие). Отличительная стилевая черта военного дневника – это лаконизм. Лаконизм сочетается с яркой образностью, тонким психологизмом, обнаруживающим высочайшую культуру чувствований автора „Военного дневника”, которой наделены подлинно интеллигентные люди. Напрашивается литературная параллель с произведениями Л. Н. Толстого (композиция батальных сцен, ассоциации с толстовским стилем). Однако у Л. Ф. Керцелли собственный стиль. В записях много натуралистических подробностей, в том числе, подробностей измененного психологического сознания, состояния человека, который идет в атаку: „...то была минути наивысшего подъема, хотилось рычать, колоть, ткнуть острый штык кому-нибудь в живое” (Carcelli 1990: 118). Автор не щадит себя, не идеализирует в глазах воображаемого читателя. Сквозными в „Военном дневнике” становятся мотивы хаоса, крови, человеческого безумия: „При свете восходящего солнца я видел поле смерти – несчастные лежали рядами; вой видна цепь, человек 30; они начали было okayиваться, но, застигнутые пулеметом, так и остались на месте, все. А на проволоке шурш и там висели темные тела немцев. Всюду кровь!” (Carcelli 1990: 119). Сон бойца на фронте играет роль литературного приема: освобождение от дневного кошмара. „Сколько разных картин! О, это же ночной бой!” (Carcelli 1990: 118). Забывье приходит к автору только в сновидении – мираже прекрасной женщины. Анализ „Во-

енного дневника” свидетельствуют о выдающемся литературном даре Л. Ф. Керцелли, в ярком документально-художественном повествовании которого угадывается новый ритм прозы – дисгармоничного мира XX в.

С особенностями культурной жизни Европы накануне 1914 г., психологической атмосферы времени читателей знакомят художественные, публицистические, философские произведения. Психологическое „измерение” предвоенной общественно-политической обстановки, состояния культуры, уровня нравственности европейского и российского общества проводят писатели: К. Федин „Города и годы”, А. Толстой „Хождение по мукам”. В русской поэзии мы выделили бы произведение Э. Багрицкого „Последняя ночь” (1932), точнее, первую часть из одноименной поэтической трилогии, в которой создается портрет молодого поколения 1910-х гг.

Юность героев (Петра Раича в „Дневнике о Чарноевиче” М. Црнянского, Андрея Старцова и Курта Вана в „Городах и годах” К. Фебина) пришлась на 1910–1920-е гг. Позади осталось детство. За плечами – небольшой жизненный опыт: переживание первого чувства любви, горький „привкус” разочарований в юношеских идеалах, боль от совершенных ошибок – типичный и в то же время уникальный для каждого опыт юности. Герои М. Црнянского, К. Фебина несут в себе некоторые черты личности авторов, принадлежащих к одному поколению.

Выбор романа „Города и годы” обусловлен высокой художественностью произведения и ракурсом изображения: Западная и Восточная Европа накануне 1914 г. Классик русской литературы К. А. Федин (1892–1977) создал „Города и годы” (первое название „Еще ничего не кончилось”) в 1924 г. как „книгу – исповедь, книгу – исследование” (Федин 1988: 8). Начало мировой войны Федин, студент Московского коммерческого института, встретил в Германии. В кайзеровской Германии он стал „гражданским пленным”, находился в этом статусе с 1914 по 1918. В сентябре 1918 г. он возвратился в Россию – новую, советскую (Федин 1988: 544). В автобиографической повести „Как я был актером” (1936–1937) писатель поведал о жизни в „германском тылу эпохи мировой войны и моих актерских делах” (Федин 1988: 545). К. Федин признавался: „...Я не ставил себе задачей героизировать лица своей повести, а только хотел показать характер эпохи и стремился сделать это правдиво” (Федин 1988: 546). Выражение „характер эпохи” можно интерпретировать в широком смысле: социокультурная ситуация, психологическая атмосфера.

В романе „Города и годы” автор характеризует предвоенную жизнь Германии как мирную, гармоничную. В „Главе о девятьсот четырнадцатом” (главка „Центрифуга Амура”) появляется мотив некоего переизбытка благополучия обывателей: „– Как мирно, как бесконечно мирно, – проговорил Курт” (Федин 1988: 60). Во время путешествия в Эрланген Старцову после слов Курта приходит неожиданно странная мысль: „Кто знает, может быть, эта прогулка – последний отдых, полней которого – одна смерть?” Впоследствии ощущение чрезмерности мирной жизни не оставляет героя К. Фебина: пресыщенность благополучием, весенним

настроением, любовью, развлечениями. Не случаен и мотив „кружения” в описании людской толпы в Эрлагене:

„И гора кружилась, кружилась. На вершине ее, в длину аллея, кучились балаганы, будки, лавчонки, карусели, паноптикумы, панорамы, кино, гипнотические кабинеты... Каждый человек на этом гулянье был вбит в толпу, как пыж в патрон, и непрекословно довольствовался тем, что мог вертеть головой во все стороны” (Fedin 1988: 60).

Подсознательно Старцов ощущает некую ущербность „бесконечно мирного” бытия немецких обывателей. В следующей главке „Когда, собственно, началась мировая война” неестественность немецкого веселья уже вдруг подмечает и собеседник Андрея: „Вы понимаете? Такой расцвет, такая пышность, такой достаток, такое довольство. Нестерпимо. Я чувствую, что под почвой всей страны, под сознанием всего народа лежат целые пласты напряженного нетерпения. Все кругом так насыщено, налито, наполнено, что нужна, необходима, неизбежна разрядка” (Fedin 1988: 60). „Разрядка” приходит в главке „Dichtung und wahrheit”. Страшному известию об убийстве в Сараево 28 июня 1914 г. австрийского престолонаследника эрцгерцога Франца Фердинанда членом военно-патриотического общества „Черная рука” гимназистом Гаврилой Принципом предшествует сцена вещего сна. В ночь перед известием Андрей страдает от навязчивого ночного кошмара, в котором видит отделенную от тела человеческую голову, скатывающуюся по лестнице: „бумм – бумм – бумм – бумм” (Fedin 1988: 79). Парадоксален комментарий Старцова к убийству эрцгерцога:

„Люди вспомнили, что на свете существуют короли. Их совершенно реальное бытие вдруг стало очевидно после того, как ослепительное слово „Эрцгерцог!” ворвалось в гармонию, сломало ритмы, исказило размеры, обезобразило шембры” (Fedin 1988: 79).

Восклицание „Эрцгерцог!”, повторенное четырежды, затем откликается эхом в прозвучавшем семь раз слове „война”: „– Война. Кто произнес это слово? – Война. Чей это голос? – Война...” Предыдущая главка завершается сценой – панорамой толпы, которая „ярилась у парадной сербского торгового консула, и в толпе были Андрей и Курт” (Fedin 1988: 80). В финале „Главы о девятьсот четырнадцатом” („Цветы”) после изображения военного поезда, следовавшего в Фюрт, автор описывает обыск в квартире русского студента. Через сутки после трагического события для „мирных” немцев Старцов – это гражданин уже вражеского государства.

Выдающееся произведение сербской литературы роман Милоша Црнянского „Дневник о Чарноевиче” (1921) в литературоведении XX века поставлено в один ряд с романами о „потерянном поколении”. Герой Пётр Раич ассоциируется с героями Э. Хэмингуэя, Э. М. Ремарка и, возможно, с персонажами произведений русской „военной прозы” 1960–1980-х гг. (с военными повестями Г. Бакланова, в которых отмечен „ремаркизм”).

В „Дневнике о Чарноевиче” нет строгой хронологии, при этом убеждает внутренняя логика переживаемых героем событий как фактов личной судьбы (Галиция, Краков). Исследователь отмечает необычность формы произведения:

„Који су то сјаи романи који су сахрањени, а колико је сам Дневник о Чарнојевићу, нови облик романа, који Црњански помиње 1920. године на крају свој предговора Флоберовом Новембру” (Петровић 2008: 159).

„Приповедач, односно писац дневника, Петар Рајић, преиспитије својствени идентитет, што у истом мах значи и преиспитивање самог чина писања – ко пише, када, зашто, за кога: „Ко ме ја ово пишем? Младићима, можда мом сину бледом и напавеном, или при крају романа: „Тејке ме питају ко ме колико пишем, а ја им кажем: ‘мртвацима’, оне се прекрсте и мисле да сам ‘шену памећу’” (Петровић 2008: 160).

Произведение автобиографично.

„Појавом Дневника о Чарнојевићу постаје у српској књижевности уочљива не само дезинтеграција биографског модела романа, о чему смо говорили у прошлом поглављу, већ и криза романа као фикционалне форме са развијеним заједом и заокретом ка „ванкњижевним жанровима, као што су дневник, аутобиографија или писмо” (Петровић 2008: 165).

В самохарактеристике героя звучит авторский голос: „Vojnik sam, o, niko ne zna, šta to znači” (Crnjanski). Персонаж и писатель имеют отношение к истории Австро-венгерской империи, захватившей немало территорий прежде самостоятельных национальных государств, которые были ассимилированы (в том числе и Банат). До войны австро-венгерским сербам удавалось сохранять национальную идентичность, но после убийства эрцгерцога Фердинанда их положение ухудшилось. Как отмечают исследователи, биографы, М. Црнянский оказался в рядах солдат империи в Галиции, где сражался против русских. Таким образом, воспитание юноши на славянских традициях пришло в противоречие с жестокой реальностью.

Выстраивая параллель, в дневниках русских авторов и „Дневнике о Чарноевиче” М. Црнянского отметим общность переживаний участников сражений, вынужденных по приказу свыше убивать себе подобных. При анализе образа Чарноевича стало традицией говорить о „суматризме”. Поскольку концептуальным для М. Црнянского является стихотворение „Суматра”, 1920 (и эссе „Объяснение Суматры”), то можно сопоставить концепцию стихотворения и идеи Чарноевича. В качестве „параллели” для анализа лучше взять поэму „Последняя ночь” Э. Багрицкого (1895–1934), автобиографический герой которой разделит участь молодого поколения 1910–20-х гг.

Во вступлении поражает яркая зарисовка предшествующих войне событий, определивших судьбу миллионов людей в России и Европе. Не называя имен исторических личностей, Э. Багрицкий создает портрет эрцгерцога Фердинанда и его убийцы:

Эрицерицѡѡ вернулся к себе домой.
Разделся. Выйил вина.
И шелковый сѣишер у ногѣ его
Расположился, как сфинкс.
Револьвер, кошорым он был убиш
(Систѣмы не вѣспомнишъ мне),
В охотничьей лавке еще лежал
Меж сѣиннинѡм и ножом.
Грядущий убийца дремал пока,
Голову положив
На юношески швердый кулак
В коричневых волосках (Bagritsky 2003:187–188).

Э. Багрицкий подчеркивает хрупкость мира, быстротечность и уникальность каждой жизни, общность судьбы юного поколения.

Вотъ шущъ я понял:
Погибнетъ ночь,
И вместе с ней отшадетъ
Обломок мира, в кошором он
Родился, ходил, дышал.
И шолько пузырик взовьѣтсѣ вверх,
Взовьѣтсѣ и прошадетъ (Bagritsky 2003: 192).

В батальных сценах поэмы „Последняя ночь” есть много общих описаний с авторами дневников 1914–1918 гг.

Дымяшся кошры у больших дорогѣ.
Солдашы колошяшъ вшей.
Над Францией дым.
Над Пруссией вихрь.
И над Россией шуман.
Мы плакали над шѣлами грузей;
Любовь поѡребали мы;
Погибших шоварищѣй имена
Доселе не сходяшъ с ѡуб (Bagritsky 2003: 196–197).

Итак, благодаря включению художественных и документально-художественных произведений русских и сербских писателей в раздел „Русская литература после 1917 г.” курса „Сравнительное литературоведение”, были выявлены „точки контактов” текстов, углублены представления о связях отечественной литературы с европейскими славянскими литературами. Изучение произведения классика сербской литературы XX в. „Дневник о Чарноевиче” М. Црнянского в курсе „Сравнительного литературоведения” создало широкий контекст: русско-сербские культурные параллели.

Источники

Crnjanski: Crnjanski, Miloš, *Dnevnik o Čarnojeviću*. <<http://www.slavcenteur.ru/Proba/knigohran/sr/crnDnevnik.pdf>>.21.22.2016.

Вместе в столетии конфликтов 2016: Вместе в столетии конфликтов. Россия и Сербия в XX веке, Институт славяноведения РАН; Институт новейшей истории Сербии, Москва. <<http://inslav.ru/publication/vmeste-v-stoletii-konfliktov-rossiya-i-serbiya-v-xx-veke>>.21.22.2016.

Литература

Bagritsky 2003: Э. Багрицкий, *Избранное*, Москва: ТЕРРА–Книжный клуб.

Bashkirtseva 2014: М. Башкирцева, *Дневник*, Захаров, Москва.

Ego – document i literature 2005: *Ego-dokument I literature. Dzienniki pisarzy rosyjskich: kontekst literacki i historyczny* / Red. naukowa L. Lutevici. Warszawa.

Carcelli 1990: Л. Керцелли, *Военный дневник (август – сентябрь 1915)*, Москва № 4, 116 – 119, Москва.

Olkhovskaya 2006: Ю. И. Ольховская, *Жанровые процессы в прозе М. М. Пришвина: от миниатюры к контекстовым лирическим формам*, диссертация ... канд. филол. наук, Омский государственный педагогический университет имени М. Горького, Омск.

Petrova 2014: И. С. Петрова, *Эго – документ как информационный ресурс регионального архива по истории Первой Мировой войны 1914 – 1918 гг., Вестник архивиста*, Москва. <<http://www.vestarchive.ru/2014-1/3011-ego-dokument-kak-informacionnyi-resurs-regionalnogo-arhiva-po-istorii-pervoi-mirovoi-voiny-1914-1918.pdf>>.20.11.2016.

Петровић 2008: П. Петровић, *Авангардни роман без романа. Поетика крајког романа српске авангарде*, Белград: Институт за књижевности.

Славянский вестник 2003: *Славянский вестник*, Московский университет, Вып.1, Москва.

Studia Rossica 2006 – 2007, *Dzienniki pisarzy rosyjskich*, XVII, Warszawa.

Fedin 1988: К. А. Федин, *Города и годы: Роман; Повести*, Москва: Художественная литература.

Maya L. Bedrikova

THE PROSPECTS OF TEACHING COMPARATIVE LITERATURE (RUSSIAN – SERBIAN CULTURAL PARALLELS)

Summary

The article is devoted to the problems of studying comparative literature, especially regarding the history of Russian literature from the end of the nineteenth century onwards as a part of the world literature. Comparative approach allows us to use diverse methodologies and study the specificities of the Western European national literatures, as well as to identify the

typological convergence in texts of different authors and characterize their stylistic manners. Reviewing the works of Russian and Serbian writers, the author aims to identify their common views on historical events. The basis of text selection is not only thematic preoccupation with World War I, but also the genre. Diary as a genre is of particular interest, as it allows the author to illustrate the inner world of the hero and reflect upon the peculiarities of national mentality. Ego-document is the evidence of private life and, when included into the narrative, it serves as a document of a certain epoch. Examining Fedin's *Cities and Years*, L. F. Kertselli's *War Diary* and M. Crnjanski's *The Diary of Čarnojević*, the author has identified "points of contact" within the texts and deepened the understanding of the links between Russian and Serbian literatures.

Keywords: comparative literature, ego-document, *War Diary*, *The Diary of Čarnojević*

Примљен 6. маја 2017. године
Прихваћен 26. августа 2017. године